

Семь Симеонов

Основано на издании 1874 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/sem_simeonov/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Семь Симеонов

За тридевять морей, за тридесять земель, за большими островами, за дальними горами, за широкими реками на огромной равнине, словно на скатерти, стоял стольный град, а на сотни вёрст вокруг раскинулось царство, и правил им государь по имени Ахридей, а по отчеству Агеевич. Богатства тот царь имел без счёта, войску его равного во всей округе не было. В каждом городе того государства по десять дворцов с серебряными дверями, золотыми куполами да хрустальными окнами стояло. В царский совет двенадцать мудрецов входили, у каждого борода с локоть да ума палата. Все они правителю своему только правду говорили, лгать государю никто не смел.

Ну, вот как в таком царстве не жить в радости? Да видно, правду в народе говорят, что ни деньги, ни мудрость счастья не дают, ежели на сердце кручина есть: она, злодейка, и в золотых палатах гостит. Вот и Ахридей Агеевич, хоть богат, красив да умён был, но не радовалась его душа прелестям земным. А всё потому, что не было у царя зазнобы сердечной, некому ему было любовь свою дарить. Никак не мог государь себе невесты достойной отыскать, чтобы и по красоте, и по разуму ему под стать была. И от того правитель тридевятого царства, тридесятого государства тяжко грустил.

Вот сидит как-то Ахридей Агеевич в кресле своём золотом, думу думает да в окошко поглядывает. Вдруг видит: причалили к пристани купцы-корабельщики, паруса белые на мачтах подвязали, якорь на дно опустили, трапы скинули да на берег спускаются. А впереди всех идёт старый-престарый купец с седой бородой. Хоть лет ему и не мало, а поступь широкая, молодецкая, плечи расправлены, спина ровная. Смотрит царь на торговцев да размышляет: «Купцы-корабельщики – люди бывалые, моря-океаны бороздят, в разных странах бывают, много чего интересного на пути своём встречают. Дай-ка спрошу у них, не видали ли они где такой царевны, чтобы мне в жёны годилась?»

Велел Ахридей Агеевич позвать торговцев во дворец, напоил да накормил гостей на славу, а потом начал расспрашивать:

— Славные корабельщики, долго вы по морям-океанам странствовали, много чего в государствах чужеземных видели. Вот скажите: нет ли у каких иностранных царей или великих князей дочери пригожей, да такой красивой и умной, чтобы достойной супругой мне стать могла?

Призадумались гости, посоветались, а потом старый купец стал ответ держать:

— Слыхали мы, что за семью морями да за семью океанами на далёком острове Бузане есть огромное государство. Правит им царь Еремей, и есть у него дочь Елена Прекрасная – уж такая красавица, что на всём белом свете другой такой не сыскать, да и

ума у неё столько, что любую загадку разгадать может.

— А как можно до того острова добраться?

— Доплыть до Бузана непросто, очень уж он далеко: десять лет нужно моря да океаны бороздить. Так что, Елена Прекрасная тебе, Ахридей Агеевич, не невеста.

— Это почему же? – рассердился царь. – Да как смеешь ты, простой купец, государю своему такие речи говорить?

Только старый торговец гнева государева не испугался. Огладил он бороду свою седую, да стал объяснять:

— Вот ты сам, царь-батюшка, посуди: пошлешь ты на остров Бузан гонца своего, десять лет он будет туда добираться да десять лет обратно. Так что, к тому времени, как ответ от Елены Прекрасной получишь, она на двадцать лет состарится, ведь красота-то девичья, словно ласточка перелётная, гостит недолго. А зачем тебе невеста-старуха нужна?

Призадумался Ахридей Агеевич, а потом говорит:

— Спасибо вам, люди добрые, идите с Богом. За то, что о царевне-красавице мне рассказали, торгуйте без дани да без пошрины, а я буду думать, как мне до острова Бузана добраться.

Распрощался государь с купцами и решил на охоту отправиться, чтобы разогнать тоску сердечную по чистому полю. Затрубили сокольники да кречетники в золотые рожки, посадили птиц своих ловчих на руки да отправились вместе с Ахридеем Агеевичем в царские угодья. Долго ли они скакали, коротко ли, пока не добрались до зелёной дубравы. Смотрит государь, а всё поле подле той рощицы белояровой пшеницей с золотыми колосьями засеяно. Залюбовался царь:

— Вот, – говорит он охотникам, – видно, добрые работники тут пахали. Если бы в моём государстве все поля были так засеяны, хлеба народу всегда хватало бы, да и на продажу в страны заморские зерно оставалось. Подите-ка, разузнайте, кто на этой пашне трудится?

Поскакали сокольники да кречетники вдоль дубравы и увидели на опушке семерых мужиков, всех как на подбор: друг на друга лицом похожи, рубахи на них красные, золотой тесьмой отстроченные. Спешились охотники да спрашивают:

— А не знаете ли вы, люди добрые, чьё это поле белояровой пшеницей с золотыми колосьями засеяно?

Отвечают мужики в один голос:

— Наше это поле! Мы его вспахали, мы же и засеяли.

— А кто ж вы такие будете?

— Мы – землепашцы, все родные братья, одного отца да одной матери дети, а зовут

нас всех Симеонами.

Передали тот ответ охотники царю, велел он тогда позвать пахарей пред свои светлые очи. Как пришли мужики, стал их Ахридей Агеевич расспрашивать:

— А скажите-ка мне, работники, как у вас такой урожай справный уродился?

— Мы, царь-батюшка, – отвечают Симеоны, – по завету отца нашего работаем.

— Это что же за завет такой?

— Велел нам папенька Богу молиться, царя слушаться, подать в казну исправно платить да трудиться без устали. «Ежели про землю не забывать, хорошо её пахать да вовремя засеять, то она, как мать родимая, наградит вас сторицей: и прокормит, и местечко мягкое на покой приготовит, когда состаритесь да жить устанете», – учил нас отец. Вот нам Господь по делам нашим и воздаёт: пшеница родится справная, колосок к колоску. Урожая и самим хватает, и на продажу остаётся.

— А что вы ещё, кроме как пахать да сеять, умеете?

— Обучил нас отец разным ремёслам, только пока они нам негодились.

— И что же это за ремёсла?

Стали Симеоны по очереди перед царём ответ держать:

— Я – каменщик. Могу столб высотой до самого неба выстроить.

— А я – верхолаз. Коли выстроит брат мой столб высоченный, я до самого неба по нему добраться могу и оттуда увидеть да услышать, что в других государствах делается.

— Я – плотник. Могу такие судна строить, что быстрее ветра по глади морской несутся. Там, где заморский корабль год идёт, мой только час плывёт. А на тот путь, что иностранное судно за год преодолевает, моему кораблику всего неделя требуется.

— А я – фокусник. Если выйду я на фрегате в море-океан, могу от любой бури его спасти: схвачу за нос да опущу на самое дно, а как шторм утихнет, снова по волнам плыть отправлю.

— Я – кузнец. Могу такое ружьё самопальное выковать, что ни одна птица в небе, ни один зверь в лесу, ни одна рыба в море от его выстрела не скроются.

— А я – сыскарь. Где бы та птица, зверь или рыба от выстрела ружья самопального, что мой брат смастерил, ни упали, везде я их отыщу.

Понравились Ахридею Агеевечу речи Симеонов – простые, мужицкие, немудрёные, нехитрые.

— Спасибо вам, мужики-землепашцы! – говорит государь. – Хорошим ремёслам вас отец обучил. Такие люди, как вы, в любом деле сгодятся. Пойдёмте со мной, послужите пока при царском дворе. А как придёт время снопы вязать, на току молотить да на базар возить, отпущу я вас тогда со своей царской милостью.

Поклонились братья царю в ноги и отвечают:

— Воля твоя, батюшка! Ты – наш государь, а мы – твои работники. Что повелишь, то мы делать и будем.

Вспомнил тут Ахридей Агеевич, что седьмого Симеона он о ремесле расспросить забыл. Велел и ему ответ держать. Потупил брат голову:

— У меня, – говорит, – ремесло такое, что за него в любом царстве наказывают, а не жалуют. Если дашь ты, государь-батюшка, своё царское слово, что не казнишь меня, а помилуешь, тогда расскажу я тебе о том, что умею.

— Будь по твоему: обещаю сохранить тебе жизнь, чем бы ты ни занимался.

— Я – вор. Всё на свете украсть могу да так схоронить, что никто не найдёт. Нет такого клада зачатого, нет такого замка заговорённого, нет такой кладовой замурованной, которые для меня недоступны бы были. Куда хочу, туда и проникну, что желаю, то и возьму.

Не сдержался Ахридей Агеевич, разгневался:

— Не помилую я вора-злодея, велю заковать тебя в кандалы железные, бросить в темницу подземную, кормить только сухим хлебом да поить сырой водицей, пока не забудешь ты своё ремесло!

— погоди, царь-батюшка, дай слово молвить! – отвечает седьмой Симеон. Разве забыл ты старую пословицу: «Не пойман – не вор»? Да и не тот вор вовсе, кто ворует, а тот, кто ворами потакает! Если хотел бы я своим ремеслом промышлять, то давно украл бы у тебя всю казну царскую, с судьями бы поделился да палаты себе белокаменные выстроил. Но я не такой: воровать-то умею, но не стану. Ты же сам об умениях моих расспрашивал, разве мог я государю соврать? А теперь, получается, что ты меня за правду наказывать хочешь!

— Обещал я тебе жизнь сохранить, значит, не буду казнить. Посиди-ка пока в тюрьме до поры, до времени.

Приказал царь седьмого Симеона в кандалы заковать да в темницу подземную бросить, а остальным шести братьям велел в столицу идти и дальнейших указаний ждать.

На следующее утро свезли на дворцовую площадь кирпичей, глины да извести, принялся Симеон-каменщик столб строить. А работа-то у него в руках горит, дело спорится: не прошло и суток, как выстроил он столб выше облаков. Забрался по нему Симеон-верхолаз до самого неба, посмотрел по сторонам, разузнал, что в соседних государствах происходит: кто с кем воюет, кто кого победил, кто что против соседей замышляет. Тут принялся за работу Симеон-плотник: взял он в руки топор и за пару часов чудо-корабль построил. Взял с собой Ахридей Агеевич Симеона-фокусника, вышли они в открытое море да поплыли на то судне диковинном быстрее ветра.

— Ну что, показывай, на что способен! – говорит царь мужику.

Ухватил фокусник корабль за нос да опустил на самое дно, а потом снова на поверхность морскую поднял. Пока государь на волнах потешался, Симеон-кузнец выковал ружьё самопальное и подстрелил из него орла, что выше облаков летал. Упала птица неведомо где, а Симеон-сыскарь в два счёта её нашёл да царю принёс.

— Ну, спасибо вам, мужички-работнички! – говорит Ахридей Агеевич. – Вижу я, что все вы мастеровитые, ремеслу своему хорошо обучены. Идите-ка теперь отобедайте да отдохните.

Наелись братья, напились, только на травку-муравку прилегли, как их в государевы палаты позвали.

— С первым заданием все вы на славу справились, теперь сослужите-ка мне ещё одну службу. Пусть верхолаз на кирпичный столб, что его брат построил, заберётся, да посмотрит: правда ли за семью морями да за семью океанами есть остров Бузан, а на нём царство огромное?

Вскарабкался Симеон по столбу высокому до самого неба, посмотрел по сторонам, прислушался, потом вниз спустился и докладывает:

— Твоя правда, царь-батюшка! Есть за семью морями, за семью океанами остров Бузан, раскинулось на нём огромное государство.

— И кто же им правит?

— Царь Еремей.

— А есть ли у него дочь?

— Есть, царь-батюшка!

— И правда ли она так хороша, как мне купцы-корабельщики сказывали?

— Уж такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

— А чем сейчас царь Еремей занимается?

— Сидит он в своём дворце да говорит боярам: «Нет во всём мире никого красивее да мудрее, чем царевна Елена Прекрасная! Но не найти на всём белом свете для неё жениха достойного. Любого, кто будет к дочери моей свататься, я в плен возьму, а царство его разорю!»

— И велико ли у него войско?

— Тысяч десять пехоты да столько же конницы, а ещё царской дружины немерено.

— А как ты думаешь, сколько до острова Бузана добираться?

— Думаю, лет десять понадобится. А если застанет в море шторм, то и больше.

— Как же быть? Как мне до царства Еремея доплыть да дочь его в жёны себе заполучить?

— А ты прикажи корабль снарядить, что мой брат-плотник построил. Судно то быстрее ветра по глади морской несётся. Там, где заморский корабль год идёт, чудо-фре-

гат только час плывёт. А на тот путь, что иностранное судно за год преодолевает, нашему кораблику всего неделя требуется. Пусть только твои советники придумают, как царевну Елену Прекрасную сосватать: любовным миром али войной.

Созвал тогда Ахридей Агеевич мудрецов седобородых да воевод бесстрашных и спрашивает:

— Люди вы все мудрые, храбрые, так докажите, что не зря я вам царское жалованье плачу! Посоветуйте: как мне Елену Прекрасную в жёны себе заполучить? Кто из вас поплывёт на остров Бузан к царю Еремею, чтобы дочку его для меня сосватать? Осыплю я того смельчака золотом, назначу главным советником, будет ему почёт да уважение до конца дней!

Молчат мудрецы да воеводы, никто в царство Еремея плыть не решается. А тут откуда ни возмись явился пред царские очи шут Михрютка. Колокольчиками на колпаке потряхивает, вприсядку приплясывает да смеётся:

— Ха-ха-ха! Что это вы, старики-мудрецы да вояки brave, головы ниже плеч повесили? Бороды у вас длинные да ум, видать короткий! Струсили за семь морей да за семь океанов плыть? Забыли вы, видать, пословицу: крапива жгучая родится, да в щаж вся уваривается.

— Ты, Михрютка, не скачи попусту, – прикрикнул на шута царь. – Лучше давай по делу сказывай!

— Что тут думать-то, царь-батюшка? Пошли за невестой Семиона-вора. Он за неделю на чудо-корабле до острова Бузана доберётся да для тебя царевну Елену Прекрасную выкрадет, никто и не заметит! А ежели царь Еремей мстить за дочь соберётся, так он до нашего государства десять лет плыть будет! За это время половину войска своего растеряет, а уж тех, кто останется, наша дружина в два счёта одолеет!

— А ведь и правда! Спасибо, шут гороховый! Велю тебя наградить: новый колпак сшить да пряников полные карманы насыпать!

Приказал Ахридей Агеевич привести к нему седьмого Симеона и говорит:

— Хотел я, чтобы ты до конца дней в темнице сырой просидел, а теперь передумал. Есть у меня для тебя задание, коли справишься с ним, так и быть, получишь свободу. Сможешь до острова Бузана добраться да выкрасть для меня царевну Елену Прекрасную?

— А что ж не смочь-то? – удивился Симеон-вор. – Конечно, смогу! Для меня это легче лёгкого! Вели только тот корабль, что мой брат-плотник построил, нагрузить парчой, бархатом, коврами персидскими да камнями самоцветными, отпусти со мной Симеона-фокусника, Симеона-кузнеца и Симеона-сыскаря, а остальные братья пусть нас тут дожидаются.

Приказал царь загрузить чудо-судно дарами богатыми, взошли на него четверо братьев, паруса расправили да умчались в даль морскую быстрее ветра. Не прошло и недели, как показался на горизонте остров Бузан. Причалили Симеоны к берегу, а там их уж стража поджидает:

— Кто вы такие будете да зачем в наше царство прибыли?

Отвечают братья с поклоном:

— Мы – люди мирные, торговые. Прибыли на остров Бузан с товарами заморскими, хотим его продавать, шило на мыло, корицу да пшеницу менять, а царю с царевной желаем подарки вручить.

Сошли Симеоны на берег и пошли на дворцовую площадь. Увидала Елена Прекрасная гостей иноземных, велела их к себе в терем привести. Развернули перед ней братья парчу да бархат, раскинули ковры персидские, разложили каменья самоцветные и говорят:

— Прими, прекрасная царевна, дары наши! А коли посмотреть хочешь, что мы ещё привезли, добро пожаловать на наш корабль!

Рассматривает Елена Прекрасная подарки, и уж так ей всё нравится, что никак налюбоваться не может. Побежала она к царю Еремею, стала его упрашивать:

— Отпусти меня, папенька, к гостям заморским на корабль! Уж больно мне посмотреть хочется, что они ещё привезли!

Подумал Еремей, лоб поморщил, за ухом почесал да говорит:

— Хорошо, пойди, посмотри. Только отправится с тобой стража царская, будет тебя охранять, от злого умысла оберегать.

Пошла Елена Прекрасная с царской дружиной на берег морской. Только поднялась красная девица на иноземное судно, как схватил её Симеон-вор за руку да в трюм утащил, а Симеон-фокусник цап корабль за нос и опустил его на дно морское. Смотрят стражники, ничего понять не могут: только что был корабль, и вот нет его. Кинулись они к царю, бросились ему в ноги:

— Прости нас, государь-батюшка! Не уберегли мы дочь твою! Только она на корабль заморский поднялась, как ушёл он под воду!

Зарыдал царь Еремей горячими слезами:

— На кого же ты меня, кровиночка единственная, покинула? Наказала меня судьба-злодейка за гордыню! Не мог я никак для дочери жениха достойного найти, повенчалась она теперь с морской пучинойю, оставила меня одного на старости лет!

Приказал государь всех стражников, что царевну не уберегли, в тюрьму бросить. А пока он гневался, Симеон-фокусник вывел корабль за нос в открытое море, поднял на поверхность, и понеслось судно быстрее ветра к царству Ахридея Агеевича. Смотрит

Елена Прекрасная по сторонам – только гладь водная вокруг, а берег далеко позади остался. Ударилась она тогда о палубу, обернулась белым лебедем и взлетела высоко в поднебесье. Тут же схватил Симеон-кузнец своё ружьё самопальное, выстрелил вверх да подстрелил птицу. Упала она в синее море, а Симеон-сыскарь бросился в воду и на корабль лебёдушку вернул. Только она на палубе оказалась, как опять ударилась, превратилась в рыбёшку мелкую и бултых в море! Снова Симеон-сыскарь не оплошал: нырнул в пучину морскую да выловил рыбку. Но Елена Прекрасная не сдаётся: в третий раз о палубу ударилась, превратилась в мышку серую и в трюм юркнула. Только Симеону-сыскарю и эта задача по плечу: прыгнул он, словно кошка и поймал норушку. Ничего тогда царевне не оставалось, кроме как красной девицей обратиться. Смирилась она да поплыла вместе с братьями в страну чужеземную.

А Ахридей Агеевич сидит в своём дворце, в окошко смотрит, с моря синего глаз не сводит да о прекрасной Елене Прекрасной мечтает. Грусть-тоска его съедает, не милы ему пиры царские, не любы песни весёлые, не вкусны яства диковинные, не хмелён мёд крепкий. Вдруг видит царь: показался в морской дали чудо-корабль под парусами белыми. Летит он, словно чайка быстрокрылая, не прошло и минуты, как причалило судно к берегу. Скинули братья Симеоны трап, и сошла с корабля царевна, да такая красивая, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Возрадовался Ахридей Агеевич, велел из всех пушек палить, во все литавры стучать, во все горны трубить – невесту царскую встречать. Вышел он из дворца, взял гостью за руку белую, опустился перед ней на одно колено и говорит:

— О, Елена Прекрасная! Дошла о тебе слава великая до моего царства! Уж и не чаял я увидеть такой красавицы! Об одном молю – стань моей женой! Только не хочу я быть злодеем-разлучником: если пожелаешь, отвезут тебя мои подданные на остров Бузан, к родному батюшке. А коли согласишься замуж за меня выйти, сделаешь меня самым счастливым человеком на свете, будешь властвовать и царством, и сердцем моим до конца дней!

Посмотрела Елена Прекрасная на Ахридея Агеевича, и так он ей понравился, что согласилась царевна стать его женой. Попросила девица отправить к отцу своему гонцов с весточкой. Снова снарядили чудо-корабль, велели Симеоном доставить царю Еремею от дочки послание: «Дорогой мой батюшка! Нашла я себе жениха по сердцу, а потому прошу твоего родительского благословения. Коли согласишься ты на наш брак, приезжай в царство Ахридея Агеевича на свадьбу!»

Прибыли Симеоны на остров Бузан, а там царь Еремей расправу над стражниками, что Елену Прекрасную не уберегли, учинить собирается.

— Стой! – кричат братья. – Не руби головы с плеч почём зря! Жива твоя дочь да здо-

рова, замуж собирается, родительского благословения просит да на свадьбу приглашает!

Как прочёл Еремей дочкино послание, так обрадовался, что велел всех помиловать. А потом сел на чудо-корабль и поплыл вместе с Симеоном в иноземное государство.

Закатил Ахридей Агеевич пир на весь мир, целую неделю народ на той свадьбе ел да веселился. Как отшумело гулянье, отвезли Симеоны царя Еремея на остров Бузан да домой воротились. Позвал их тогда к себе государь и говорит:

— Спасибо вам, мужики-землепашцы, за то, что помогли суженую мою найти! Берите из царской казны золота и серебра, сколько хотите, да говорите, о чём мечтаете. Хотите боярами стать – будете боярами. Желаете воеводами служить – назначу вас воеводами! А если на покой решите пойти да до конца дней своих на печи лежать, ни о чём не думая, – быть по-вашему!

Поклонились братья царю в пояс, посовещались и ответили:

— Благодарим тебя, государь-батюшка, за щедрость царскую! Только люди мы простые, дело наше мужицкое: пахать да сеять. Не хотим мы быть ни боярами, ни воеводами. Да и на печи нам лежать не пристало. Не нужно нам ни золота, ни серебра. Пока силы есть – будем мы в поле работать, как завещал наш папенька. Отпусти нас домой да награди словами ласковыми. А ещё нам милость окажешь, если дашь охранную грамоту, чтобы земские ярыжники на наше поле не зарились, налогом неподъёмным нас не обкладывали.

— Быть по-вашему! – повелел царь и отправил братьев Симеонов любимым делом заниматься – пахать да сеять.